

Свиридов Г.

Соб. рукопись, 1981, 27 марта

Тот, кто бывал в Третьяковской галерее и видел портрет Мусоргского, написанный Репиным за несколько дней до смерти композитора, вряд ли сможет забыть это лицо. Столько в нем мощи и трагизма! Необыкновенной мощи в соединении с величайшим трагизмом исполнены и произведения Мусоргского. Его имя не случайно вызывает ассоциации с такими художниками, как Шекспир, Рембрандт или Достоевский.

Мусоргский был художник в высшей степени национальный. Это в полном смысле слова певец России. Ее судьбы, ее боль и ее радости наполнены творчеством композитора, вся его жизнь и все его художественное воображение.

Мусоргский не принадлежал к числу тех композиторов-профессионалов, которые одинаково успешно работают во всех жанрах музыкального творчества. Он не писал сонат, симфоний или квартетов, мало писал инструментальных сочинений. Музыка была для него не просто профессией. Она была его жизненным предназначением. Посредством музыки он поведал нам свой взгляд на судьбу народа нашего, свой взгляд на природу человека...

Есть музыка лирическая, в которой композитор выражает свои чувства и делает это с такой силой, что мы сами сопереживаем с ним, приобщаемся к его богатому внутреннему миру и воспринимаем часто его чувства, как свои собственные. Это чувство автора или лирического героя, от лица которого говорит иной раз автор. Таковы, например, замечательные романсы Глинки, Чайковского, Рахманинова, снискавшие самую широкую известность и любимые миллионами людей разных поколений.

Искусство Мусоргского несколько другое. Он обращается к нам подчас не от своего лица, не от себя и не от лица вымышленного, безымянного лирического героя. Он обращается к нам как бы от третьего лица, от конкретного человека, характер которого увиден, подсмотрен им в жизни и раскрывает нам его душу своей музыкой. Например, однажды в деревне увидел композитор на улице, как юродивый объяснял в любви какой-то «смазливой бабенке», как он пишет. Этот юродивый был одновременно и трогателен, и жалок. Эта сцена глубоко запала в душу Мусоргского, и он сочинил песню «Светик Савишна».

Или песня «По грибы». Рассказ ведется от имени молодой женщины, вынужденной жить с постылым, старым мужем, — эта картина очень типична для народной жизни старой России.

Не правда ли, какая яркая характерность, какое умение проникнуть в душу каждого, от лица которого ведется рассказ. Эту музыку можно сравнить с портретной живописью. Мы не только слышим, но как бы и видим ее. В своих операх и в своих песнях и романсах Мусоргский создал множество самых разнообразных типов, образов, взятых из нашей русской действительности, начиная от царя, вельмож, бояр и кончая юродивыми, беглыми монахами, бабами, мужиками, стрельцами, семинаристами, подьячими. Кого только тут нет! Но дело не только в разнообразии и характерности. Мусоргский, как никто другой из композиторов, обладал даром проникать в глубины человеческой души.

Его исторические типы поразительно достоверны. Вспомните, например, Бориса Годунова, мучимого совестью, летописца Пимена, коварного интригана Шуйского или такие образы из оперы «Хованщина», как «дурак и татаруй» князь Хован-

ский, как Мусоргский называл его. Или изумительный образ Марфы. Или совершенно противоположный тип — Марина Мнишек из «Бориса Годунова» — женщина, движимая безграничным честолюбием. Или разбитная, выдавшая виды Шинкарька. Бесконечное разнообразие образов, поразительных в своей правдивости.

«Героем моих произведений является правда», — сказал

К НОВЫМ БЕРЕГАМ!

Лев Толстой. Это же мог с полным основанием повторить и Мусоргский.

Музыкальная речь Мусоргского отличается необыкновенным своеобразием и самобытностью. Мелодии его пластичны, а подчас и острохарактерны, развиваются они свободно, непринужденно и естественно, что называется, по-русски. Его гармонический язык до сих пор поражает своей свежестью, индивидуальностью. Он был смелым новатором. Внутренний композиторский слух его исключителен по тонкости. Мусоргский слышал такие созвучия, каких до него в музыке не встречалось. И это не сознательно сконструированная «новизна», а естественный гармонический комплекс, неразрывно связанный с движением столь же естественной распевной мелодии и своим напряжением оттеняющий ее изгибы.

Мусоргский родился в 1839 году, а умер в 1881 году. Таким образом, сознательная жизнь Мусоргского, вся его творческая биография падает на 60—70-е годы прошлого столетия — годы совершенно исключительного подъема духовных сил русского общества. Это было время отмены крепостного права, создания в России гражданского суда и многих других памятных событий в общественной жизни. Наконец, это было время пробуждения, я бы сказал, исключительного внимания к простому народу, судьба которого глубоко волновала образованное общество того времени. Для многих людей народ стал своеобразной верой. В художественной среде того времени пробудилось стремление к созданию национального по духу и по стилю искусства.

В истории народа редко выпадают такие эпохи, когда бы рядом творили десятки гениальных людей. Достаточно назвать такие имена, как Достоевский, Толстой, Островский, Тютчев, Тургенев, Лесков, Некрасов, Писемский, Гончаров, Мусоргский, Бородин, Балакирев, Чайковский, Римский-Корсаков, Репин, Крамской и другие художники-передвижники...

Именно тогда в Петербурге образовалась группа молодых композиторов, старшим из них был Милий Алексеевич Балакирев, которого еще сам Глинка благословил на музыкальное поприще. В этот музыкальный кружок, кроме Балакирева, вошли: Цезарь Антонович Кюи, Николай Андреевич Римский-Корсаков, Александр Порфирьевич Бородин и Модест Петрович Мусоргский. Самое близкое участие в деятельности этого кружка принимал Владимир Васильевич Стасов, художественный критик, который был, собственно, идеологом этого кружка. Это и была знаменитая «Могучая кучка», или «Новая русская музыкальная школа», как ее тогда называли. Музыканты эти задалась целью создания русской музыки, опирающейся на глубокие национальные

традиции. Они проявили самое пристальное внимание к народной песне, к старинной музыке.

Мусоргский был убежденным народником в своем творчестве. Он видел народ и чувствовал его душу, как никто другой. Свою оперу «Борис Годунов» композитор посвятил «Могучей кучке». Он написал в своем посвящении следующие замечательные слова: «Я разумею народ как

подлема. Он носил в себе колоссальный бунтарский дух. И не только в творчестве своем. Он предчувствовал многие события будущего, он предчувствовал те огромные социальные потрясения, которые ждут Россию. Без предчувствия таких потрясений невозможно было бы написать заключительную сцену «Бориса Годунова» — «Сцену под Кромами».

Мусоргский оказал огромное влияние на исполнительское искусство и прежде всего, конечно, на искусство пения. На его музыке выросли новые исполнители. Именно на Мусоргском, на его творчестве, главным образом, стал великим артистом несравненный Шаляпин. Партия Бориса Годунова была центральной ролью великого артиста, и он действительно потряс, можно сказать, весь цивилизованный мир исполнением этой роли.

Мусоргский — фигура исключительно сложная. Он первым среди музыкантов обратил внимание на непостижимую сложность человеческой природы, человеческой психики, подобно тому, как в литературе это сделал его современник Достоевский. В нем есть уже ростки того искусства, которое впоследствии стало искусством декадэнса: трагические страницы его вокального цикла «Без солнца», последние романсы, свидетельство его глубочайшего душевного трагизма, его полное одиночества.

Из чего складывается музыкальный язык Мусоргского, и сегодня поражающий нас своей свежестью и новизной?

Музыкальный язык Мусоргского — исключительно сложный сплав. Прежде всего в нем, конечно, народная песня наша, изумительные мелодии русских песен. Он много взял их в свои сочинения. Старинные песни, старинные баллады, духовные стихи, песни раскольников использованы им, в частности, в опере «Хованщина». И в опере «Борис Годунов» мы также слышим народные мелодии: «Уж как на небе солнцу красному слава...» или, например, песня бродячих монахов «Солнце, луна померкнули, звезды с небес покатились...». Это старинная былина о Вольге Всеславиче.

Велико влияние на Мусоргского было Глинки и Даргомыжского. Он говорил: «Глинка — это отец целой школы русской музыки, которая никогда не будет великой».

Кроме того, язык Мусоргского складывался под воздействием передовой европейской музыки того времени. Мусоргский отлично знал музыку Берлиоза, Шумана, Листа, не говоря уже о Бетховене или Глюке. Все это претворено им с гениальным своеобразием. Любя и высоко ценив музыкальное искусство Европы, Мусоргский всегда оставался воинствующим защитником самобытности и оригинальности русской музыки.

Как художник Мусоргский был человеком, который осознанно и ясно представлял себе, чего он хочет. Его творчество — не импульсивное сочинительство, хотя писал он по вдохновению. Это был колоссальный новатор, значительно опередивший свою эпоху.

Он обладал редким чувством слова, несомненно, богатым литературным дарованием. Достаточно сказать, что либ-

ретто оперы «Хованщина» написано им самим по историческим материалам. Переписки Мусоргского, в особенности его письма к Стасову, — поразительные человеческие документы, представляющие громадную ценность. По высказанным в них мыслям и по совершенно неподражаемому языку, которым они написаны, я мог бы сравнить их с письмами великого художника Ван Гога. В письмах Мусоргского, если их прочесть внимательно, видна вся его жизнь и судьба. Он был человек очень одинокий, и поэтому в письмах, в особенности к Стасову, во многом исповедовался, делился не только своими конкретными художественными замыслами, но и мыслями об искусстве. Прочитав отрывок из письма Мусоргского Стасову, написанного в 1872 году.

«Художественное изображение одной красоты в материальном ее значении — грубое ребячество, детский возраст искусства. Тончайшие черты природы человека и человеческих масс, назойливое ковыряние в этих малоизведанных странах и завоевание их — вот настоящее призвание художника. К новым берегам! Бесстрашно, сквозь бурю, мели и подводные камни к новым берегам!!!» И дальше: «В человеческих массах, как и в отдельном человеке, всегда есть тончайшие черты, ускользающие от хватки. Черты, никем не тронутые. Помечать и изучать их в чтении, в наблюдении, по догадкам, всем нутром изучать и кормить ими человечество, как здоровым блюдом, которого еще не пробовали, — вот задача-то. Восторг и присно восторг. В нашей «Хованщине» попытаемся, не так ли?»

Истинные размеры художника становятся ясными во времени. Мусоргского не сразу оценили, не сразу поняли. Только теперь мы начинаем видеть, как был велик этот человек.

Значение Мусоргского как творца народных музыкальных произведений особенно возросло и стало ясным после Октябрьской революции. «Бориса Годунова» ставили, например, для одного из первых партийных съездов. Луначарский написал тогда предисловие к спектаклю, вступительное слово, которое мне приходилось читать. Там есть замечательные слова: «...над всеми оперными композиторами мира Мусоргский возвышается как могучий дуб».

Ныне Мусоргский признан одним из величайших композиторов во всем мире. Слава его исключительно велика. Его влияние на весь музыкальный процесс и прежде всего, конечно, на советскую музыку огромно. Ни один композитор XIX века и вообще ни один композитор не оказал такого влияния на формирование советской музыкальной школы, как Мусоргский. Его открытия стали самыми прочными, самыми невидимым художником. Дальше влияние, которое рождает только эпитетов, — это влияние манеры. Но Мусоргский воздействовал на последующие поколения духом своим.

Мусоргский умер очень молодым. В его опере «Хованщина» Досифей — глава раскольников — говорит замечательные слова: «Гореть — страшное дело». Эти слова нельзя воспринимать буквально. Гореть можно и творчески, внутренним огнем. Вот этим огнем горел Мусоргский. Его жизнь была наполнена исключительно творчеством. Кроме творчества, в этой жизни, может быть, не было ничего. Зато творчество это было наполнено таким горением! И этот огонь будет гореть еще очень долго!

Мусоргский был человеком времени общественного

Георгий СВИРИДОВ,
Герой Социалистического Труда, народный артист СССР

(не делая специального либретто!) пытался положить на музыку. Это очень смелая, изумительная в своем роде вещь. Она не стала популярным произведением, да и вообще не была закончена автором, но такие опыты бывают иногда очень ценны и для самого композитора, и для последующих поколений музыкантов. Говоря нынешним языком, это был исключительно смелый творческий эксперимент. Опытом Мусоргского воспользовались композиторы следующих поколений, в частности, например, Прокофьев. Он извлек очень много ценного из этого опыта Мусоргского и развил эти идеи в своих операх.

Однажды Мусоргскому, если не ошибаюсь, его друг, профессор истории литературы Никольский, подсказал сюжет, к которому он мог бы приложить свои силы. Это была удивительная, как говорится, подсказка. В истории бывают такие счастливые попадания. Именно Никольский посоветовал Мусоргскому обратить внимание на пушкинского «Бориса Годунова». И он с увлечением начал сочинять оперу. Композитор показывал своим товарищам по мере окончания, по мере готовности какие-то отдельные сцены или куски этих сцен. Все с удивлением видели, как вдруг на глазах вырастало это гигантское здание, вырастало это великое произведение, поражающее своей смелостью, своей правдой, своей дерзновенной новизной и вместе с тем таким проникновением в дух русской истории.

В 1874 году «Борис Годунов» был представлен на сцене Мариинского театра в Петербурге. Премьера его прошла с исключительным успехом. Присутствовавший в зале известный историк Костомаров говорил, например, что это не опера, это страница истории. Настолько это было подлинно, настолько это было правдиво, настолько это было художественно, но одновременно, конечно, опера возбудила и очень большие споры — так она была нова, так она была неожиданна.

Мусоргский был человеком времени общественного

193